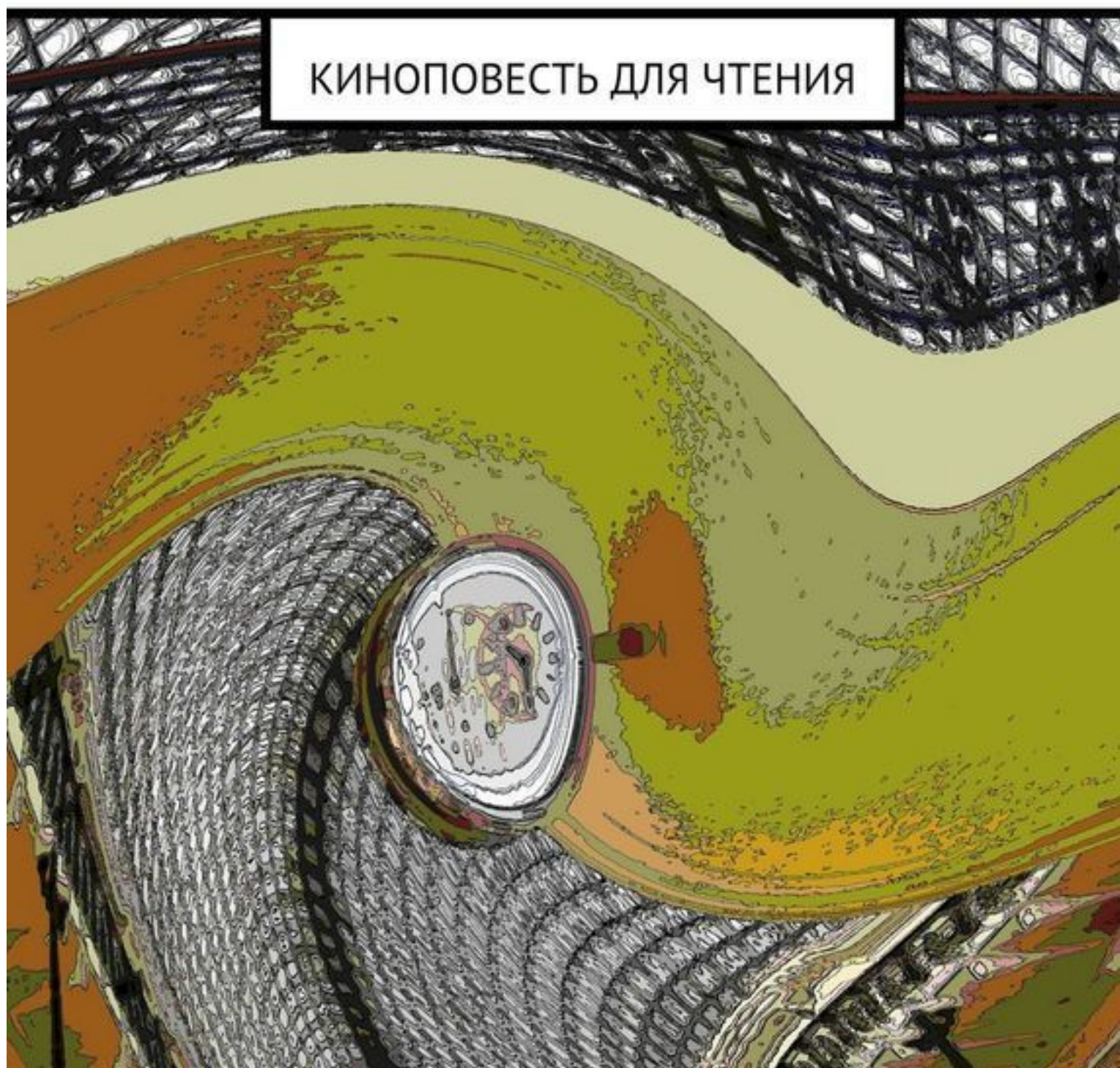

СЕРГЕЙ БОГУЧАРОВ

Фол

КИНОПОВЕСТЬ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Сергей Богучаров

Фол

«Издательские решения»

Богучаров С.

Фол / С. Богучаров — «Издательские решения»,

Повесть «Фол» вошла в финальный список литературной премии «Русский Декамерон» (2003). Написана в редком для современной литературы жанре эротической сатиры.

Содержание

От автора	6
ФОЛ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Фол
киноповесть для чтения
Сергей Богучаров

© Сергей Богучаров, 2015

© Андрей Трешнев, фотографии, 2015

© Андрей Трешнев, иллюстрации, 2015

Редактор Сергей Дмитренко

Корректор Всеволод Марченко

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

От автора

Первая редакция киноповести «Фол», называвшаяся тогда «Кое-кто в резиновом пальто» с подзаголовком «Картины политической порнографии» была написана в 1992 году, время от времени дополнялась и расширялась, а осенью 1998 года я доработал текст, теперь получивший имя «Фол», до состояния, которое в целом сохраняется донныне (впоследствии проводилась лишь лёгкая стилистическая правка).

Правда, в 2001 году я было предпринял попытку заменить в сочинении некоторые бытовые подробности и детали быстро меняющейся московской и российской жизни на более современные, но сообразил, что эта правка, при сохранении полной справедливости подзаголовка, – пустопорожня, и ограничился лишь небольшими примечаниями в скобках; к ним прибавил ещё несколько подобных и теперь, в 2015 году; все они даны курсивом).

История продвижения «Фола» к читателям пока грустна. В 1999 году повесть выдвигалась на премию «Антибукер», но по нелепым внутренне-организационным причинам застряла между двух номинаций – за прозу и за драматургию (в итоге премию за прозу в том году так никому и не дали). В 2003 году «Фол» попал в финалисты премии «Русский Декамерон», готовился к изданию в итоговом сборнике, но что-то у добросердечных учредителей «Русского Декамерона» здесь не сложилось, а сама премия попросту закрылась.

Тогда же, благодаря поддержке друзей, повесть попала на прочтение режиссёру Ивану Дыховичному, вызвала у него интерес, но поиски продюсера, то есть денег не увенчались успехом. Через несколько лет другой режиссёр и кинодраматург, известный, пожалуй, более, чем Дыховичный, которому я волею судеб оказал, скажу так, существенную творческую услугу, будучи горячим кавказцем, сказал мне на одном собрании: «Я – Ваш должник. И я помогу Вам». Речь шла о продвижении «Фола». Но красивая фраза оказалась в итоге фразой пустопорожней...

Однажды, уже после 2000 года мне подумалось, что сочинение это – в силу ряда обстоятельств не может быть экранизировано, и потому на экземплярах, которые давал читать друзьям и знакомым, стал выставлять гриф «Вариант времён кризиса: для домашнего кинематографа».

Сейчас вновь кризис. Зато многое другое отмечено удивительным постоянством. Кроме того, возможности книгораспространения в Сети значительно расширились, и я решил с помощью «Ридеро» эти возможности проверить.

«Фол» перед вами, досточтимые читатели.

ФОЛ

Кино\повесть

Летняя веранда ресторана при гостинице. Ресторан – вот и музыку здесь крутят ресторанную. Но время ещё даже не обеденное, и на возвышение для вечернего оркестра пока что вытащили и поставили на двух стульях стереоколонки.

Мужчина лет тридцати пяти, подтянутый, рослый, коротко, но хорошо стриженный, расплачивается с официанткой.

– Всё будет нормально, – говорит затем мужчина сидящей рядом за столиком крепкой блондинке – скорее, подкрашенной, чем перекрашенной – в лёгком ярком платье. – Оформим, как полагается. Получите всё, что просите. С департаментом я, можно сказать, договорился.

Они идут к выходу, и голоса гаснут в музыке.

Выходят из лифта и вышагивают по гостиничному коридору – рослый мужчина с небольшой чёрной сумкой на плече и крутобёдрая блондинка в босоножках на очень высоких каблуках.

– Мы в номер на минутку, посмотреть бумаги, – говорит блондинка дежурной по этажу.

– Да. Бумаги и документы, – и мужчина как бы в подтверждение похлопывает по своей сумке.

Дежурная, коротко взглянув исподлобья, выкладывает перед собой ключ.

Женщина, за ней – мужчина входят в узкий коридорчик номера. Мужчина затворяет дверь, крутит ручку замка, обеими руками наперехват обнимает женщину. И, не поворачивая её к себе лицом, быстро, ухватив лепесток замка губами, зубами, расстёгивает молнию на платье... Она, шепча: «Подожди... подожди... не торопись...» – помогает ему.

Мужчина и женщина – поверх покрывала – на одной из двух кроватей номера. Их одежда скомканно валяется на полу. Здесь же, на полу, у изножья кровати, несколько коробок – обувных и с детскими играми. Московские покупки командированной.

Женщина – босоножки она так и не сбросила – вдруг рывком освобождается от тяжести мужчины и тянется к сумочке на прикроватной тумбе.

– Погоди, – шепчет она. – У меня сейчас дни хреновые. Давай с резинкой.

Мужчина поднимается на ложе и становится на колени так, что её тело оказывается между его ногами, как под аркой.

– Я сама, – шепчет женщина, – я сама. Дай я тебя одену, нахал бесстыжий.

– Ого, – говорит мужчина, – какой он у тебя. Что-то я таких и не видел.

– Импортный, – шепчет прерывисто женщина. – Бразильский... Ты, наверное, технику безопасности нарушаешь, вот и... Готово! – и с напором падает навзничь.

– Поехали! – мужчина рухнул на неё...

В дверь застучали.

Пока они второпях одевались: она – платье на голое тело, он – как был – сразу напялил на себя одни только брюки (носков не снимал) и рубашку, – пока они одевались, в дверь ещё стучали два раза, и голос дежурной по этажу повторял: «Шестьсот девятый, можно к вам!.. можно к вам!»

Наконец женщина хватает свой чемодан, распахивает его и вываливает всё, что в нём было, – одежду, бумаги – на кровать, с которой они с мужчиной только что вскочили.

Мужчина открывает дверь.

Дежурная по этажу стоит с пожилой узбечкой ли, таджичкой в цветастом платье, из-под которого виднеются шаровары. Шаровары полуприкрыла огромная сумка.

– А я вам соседку привела, – поёт дежурная тем же тоном, каким только что просила открыть дверь.

– А мы тут документик потеряли, – в унисон ей отвечает блондинка, делающая вид, что роется в своём обнародованном барахле, при этом с кислой миной показав язык мужчине.

– А ценные вещи надо сдавать в камеру хранения, – говорит дежурная, оглядывая номер. Серебряно-сиреневая облатка валяется на ковре.

Мужчина носком туфли заталкивает её под кровать – едва ли не запоздало.

– Нашла, – говорит блондинка и протягивает мужчине какой-то листок, испятнанный печатями. – Эта, Виктор Павлович?

– Эта да не эта, – тянет мужчина, вертя в руках бумагу. – Придётся переоформить. – он незаметно подмигивает блондинке. – Я позвоню вам из министерства. Когда начальник найдёт замену. Часа через четыре. До свидания.

Последние слова он говорит, выходя из номера.

– Желаем успеха! – кричит вслед дежурная по этажу.

Среднеазиатская женщина извлекает из своих баулов и развешивает на плечиках такие же цветастые платья, как и то, что на ней. Блондинка кое-как заталкивает вещи в чемодан.

Мужчина входит в раздвинувшиеся двери лифта. В кабине уже стоят три девушки – все длинноногие, но разные: одна в оранжевых лосинах, вторая в чёрной мини-юбке, не длиннее – не шире? – набедренной повязки, третья, брюнетка в джинсах до середины икры и в панталетах на высоченной шпильке. Все трое грудасты, и скрывать это не подумали. Напротив. Больше мужчина ничего увидеть и размыслить не успеваает: в лифт вваливаются две грузные пожилые пары – мужчину прижимают к девице в лосинах да так, что нос его утыкается в её макушку, зарывшись в благоухающие пряди пепельных, но каких-то пепельно-мышинных волос.

– Ого, – произносит мышастая через мгновение. – Мужик и охнуть не успел. . .

Мужчина, делая вид, что смущается, отводит глаза. Но не отодвигается, а прижимается к лосинам ещё крепче.

Девушка и бровью не повела, но придвинула губы к голове рядом стоящей подружки в мини-юбке, губами этими раздвинула недлинные рыжие пряди, прикрывавшие розовую раковину ея уха, и начала шептать. . .

Подруга заулыбалась, открыв крупные белые зубы, словно невзначай двинула вперёд руку, будто обнимая в тесноте свою товарку и при этом касаясь того места, которым мужчина прижат к этим восхитительным оранжевым лосинам.

– Да-а-а, – выдыхает подруга. – Грандиозно! – И тянется к уху той, что в джинсах.

Лифт, тяжело урча, двигался вниз.

И вдруг затрясся.

– Застрянем! – ахает мышастая.

– Я не прочь! – говорит мини-юбка, отрываясь от уха своей спутницы, которую с одного боку теснит животом пожилой пассажир. – А ты, Танька?

– А я – прочь, – отзывается «джинсовая». – Не тот расклад. . . А при другом раскладе мы бы не застряли.

И она посмотрела на прижимавший её к стене живот.

Девушки рассмеялись.

Пожилые застыло безмолвствуют.

Лифт еле ползёт.

– Ду ю спик рашн, Вова? – спрашивает носительница лосин у мужчины, помогая ему ещё крепче прижаться к ней и к неубранной руке подружки. – Вы кто?

Мужчина наклоняется так, что его голова оказывается между ними и полушепчет, полубасит: «Как это кто: сын деда Пихто». Подумав, добавляет: «В резиновом пальто».

Лифт дёрнулся и замер.

– Застряли всё-таки! – опять ахает мышастая.

Но дверь начала раздвигаться...

– Даже отрываться от вас неохота, – игриво говорит мышастая мужчине. – Да, девочки?

– Хорошего понемножку, – усмехается «джинсовая», Танька.

– Девчата, я готов... – мужчина дурашливо завертелся между ними, выходящими из лифта.

– Мы не готовы, – строго произносит рыжая, и, громко смеясь, подруги? коллеги? направляются к выходу.

Мужчина, потоптавшись на месте и дважды окинув взглядом широкий пустоватый холл, бормочет: «Вот тебе и Пихто!» Вздохнув, бредёт в ту же дверь, в которую вышли девушки.

Оказавшись на улице – теперь ясно, что дело происходило в гостинице «Москва» – и увидев, как они садятся в золотистую (в 1992 году, когда появился первый вариант «кина», это была «восьмёрка», сейчас стала некая иномарка) «трёхдверную» машину, и эта самая Танька – за руль, вздыхает ещё раз и медленно бредёт к подземному переходу, не заметив, как у мышастой, забравшейся в авто последней, в руках что-то сверкнуло.

Мужчина с черной сумкой растерянно стоит на противоположной от Колонного зала стороне улицы перед несколькими дверями с вывесками «Кафе-бистро», «Меховые изделия», «Срочный ремонт обуви».

– Ничего не понимаю.

Пробормотав это, оглядывает людей, стоящих на троллейбусной остановке, и подходит к мужчине средних лет с большим цветастым пластиковым пакетом, чем-то наполненным.

– Извините, – спрашивает вполголоса Виктор Павлович, он же «Вова», он же «сын деда Пихто», – Извините, здесь, кажется, всегда был туалет. Мужской, женский.

– Туалет? Не знаю. Я приезжий. – Мужчина с пакетом смотрит на него, затем на двери лавочек, пожимает плечами. – Впрочем, верно. Был когда-то. Давно. Давно.

– А поблизости?

– Туалет? Не знаю. Я приезжий. – Мужчина стал вглядываться в ту сторону, откуда должен был появиться троллейбус.

Помедлив и затем хлопнув себя по лбу, Виктор Павлович шагнул к двери с вывеской «Меховые изделия».

В тесной комнатухе всё от потолка до пола завешано купальными халатами, среди которых одиноко чернеет норковый полушубок. У входа сидит стриженный мордоворот-охранник. Скучает с кроссвордом (сканвордом?) девушка-продавщица.

– Добрый день, – Виктор Павлович говорит это так, чтобы получилось веселее. – А где же меховые изделия? Перепрофилировались? – В глазах уже поблёскивает.

Впрочем, девушка не теряет.

– Продаём остатки, – повела рукой с карандашом в сторону полушубка. – Ждём завоза.

– Давайте, давайте. А то вашему молодцу охранять нечего. – Виктор Павлович выдавливает подобие улыбки. – Кроме вас, конечно. – Девушка, несмотря на макияж, была невзрачна.

Продавщица дежурно зарделась: к пустопорожним комплиментам, как видно, она привыкла.

– Можем халат предложить. У нас благотворительная акция – часть дохода пойдёт в пользу фонда защиты детских спортивных школ.

– Неплохо. Но в другой раз. А нет ли у вас, среди шубок и шапок ваших, мужского белья? Нижнего. Попросту говоря, трусов.

На этот раз девушка почему-то зарделась по-настоящему.

– Нет, к сожалению. Это до нас здесь торговали галантереей и трикотажем.

– Понятно. А до того, как трикотаж, здесь туалет был. Его-то куда подевали?

Девушка пожала плечами.

– Туалет? – вдруг подаёт голос мордovorот со своей табуретки. – Вы в ЦУМ пройдите. Там и туалет есть, и трусы. И плавки. Это недалеко.

– Знаю, – Виктор Павлович внимательно смотрит мордovorоту в глаза. – Вы не занимались в секции академической гребли у Галины Степановны?

Мордovorот шмыгает носом и, встав, почему-то вытягивает руки по швам, насколько это у него получается при его бицепсах и прочей мускулатуре.

– Нет, – отвечает он. – Не занимался. Мы так, сами по себе, с ребятами.

Наш герой, не дослушивая его, выходит.

Он и вправду шагает вверх по Пушкинской улице (*и вновь простите: ныне по вновь Большой Дмитровке*), очевидно, направляясь в ЦУМ.

– Дяденька! – вдруг окликают его, когда он подходит к Копьёвскому переулку. – Пойдите, дяденька.

Виктор Павлович смотрит, кто его зовёт, и видит стоящую перед ним рослую девушку – натуральную блондинку с толстой косой, закинутой на высокую грудь, – в косу вплетена простая коричневая лента. На девушке простое же, в цветочек платье, едва ли не ситцевое, с пояском, чуть ниже колена. На крепких ногах – белые носки и ужасные, чёрно-зелёные с розовым отечественными кроссовки.

– Дяденька! Я спросить хочу, – тянет девушка. В одной руке она держит довольно большую плетёную корзинку. В другой – изрядно набитый яркий пластиковый пакет.

Виктор Павлович останавливается и с подлинным интересом смотрит в большие голубые глаза.

– Тоже приезжая?

– Почему тоже? – удивляется она и хлопает ненакрашенными ресницами. Вообще на её лице ни следа краски и помады. – И вы приезжий? Тогда я у других спрошу. Изви...

– Это я так... – перебивает её Виктор Павлович. – Что вы хотели спросить?

– Вы только, дяденька, скажите мне, где здесь театр?! – спрашивает девушка, и Виктор Павлович смотрит на неё недоумённо, так как они стоят в двух шагах от Театра оперетты.

Девушка правильно понимает его взгляд и продолжает своим медленным, грудным голосом, в котором слышны отзвуки севернорусского говора:

– Мне не этот театр надь, не опереточной...

– Большой, что ли? Это сюда и по переулку.

– Неуж не вижу? В театр Большой-то я вечером пойду. Мне другой нужен.

– Детский, что ли? Это там, могу проводить.

– Да не детской же! Художественной!! Я в него поступать приехала! Хожу туда-сюда, найти не могу...

– В школу-студию МХАТ, что ли?

– Ну в неё, конечно. Хожу-хожу, никто не знает. Обинно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.